

ДАВАЙТЕ ПОМОЛИМСЯ!

(главы из романа)

*Всё, что я видел и пережил, вошло в эту книгу.
Первый год я писал её чернилами – но чернила кончились.
Второй год – слезами, но и слёзы высохли.
Третий год – кровью, но и её не хватило.*

Гаяз ИСХАКИ, «Лукман Хахим»

Первая часть

1

Какую власть всё-таки имеют над нами воспоминания!

Юрий КАЗАКОВ

Если начну свой рассказ словами: «Эх-х, счастливая тюремная пора!», не торопись укорять да ругать меня, дорогой читатель, мол, автор-то, похоже, рассудком помутился, и не спеши, пожалуйста, закрывать книгу! Если бы скрытая от многих глаз тюремная жизнь состояла из одних только горестей-бед-печалей, то никто бы оттуда живым не вышел!

В тюремных застенках – в этом тёмном мире, куда отовсюду собирают и заставляют вариться в одном котле преступников всех мастей, всё же выпадают небольшие, не больше кончика мизинца, радостные минутки. Следом за каждым узником в душевные и тесные камеры входит Надежда. Ну и что же, что жизнь искалечена и разрублена на «до» и «после», отнять у человека Надежду не может даже самый беспощадный палач. Пока голова на плечах – Надежда жива. У каждой тюрьмы свои законы и традиции, свой цвет и запах, своё меню. Однако во всех тюрьмах у заключённых, при всех их различиях, общие утешения и чаяния: кто-то попал сюда недавно, кто-то не первый год чахнет в неволе, а кто-то и умирает, так и неждавшись свободы. Из собравшихся в камере судеб, кажущихся, на первый взгляд, обрывочными и несвязными, складывается непрерывная цепочка Памяти, никогда не бывающая пустой тюрьма, словно каменная чаша, из года в год пополняется надеждами и чаяниями заключённых, они бережно передают их из рук в руки, от одного поколения к другому, стараясь не расплескать ни капли. В самые первые дни пребывания в камере, когда на душе тошно, когда подавлена воля и сломлен дух, тебя начинают знакомить с туманной историей этого заведения. А в конце рассказа

добавят: «Архитектора-то этой тюрьмы самого посадили!» «Ага! — радуешься ты, — так и надо этому ироду!» Да, — говорят твои товарищи, — выродок, придумавший адский погреб, не должен уйти от наказания! Взявшиеся поведать тебе историю этой тюрьмы заключённые поднимут твоё настроение бессчётными примерами о других арестантах: когда-то верховодивших тюремных начальниках и, конечно же, о незадачливых следователях.

И что удивительно! На второе же утро твоего пребывания в 24 камере «гостиницы» на Чёрном озере из коридора доносится глухой стук шагов! Деревянная нога! Слышно, как конвоируемый грязно ругает надзирателя! Сокамерники — казанец Нигмат Габитович Халитов и парень из Подберезья Кабир Мухаметшин расплываются в улыбке. «Ба, неужто прокурора загребли?! Он же только на прошлой неделе ходил с проверкой по камерам».

Позже стало известно: арестовали заместителя прокурора. Такие радостные вести могут пробить насквозь не только толстые тюремные стены, но и земной шар!

Быстро выйти на свободу из нашей тюрьмы, чья дурная слава распространилась далеко за пределы Чёрного озера, одно упоминание о которой заставляет содрогаться сотни невинных сердец, пустая затея, истории подобные случаи не известны, в цепочке Памяти такого звена нет. О том, чтобы сбежать, обманув охрану, и думать не смей! Смешно! Недавно посаженные неопытные арестанты поначалу ещё тешат себя мечтами: «Это ошибка! Меня скоро выпустят!» Тщета! Сменив пару камер, вкусив все прелести тюрьмы, на собственной шкуре испытав, как работает российская исправительная система, арестанты поспешно избавляются от несбыточных мечт. Все светлые надежды, с которыми они входили в мрачные камеры, одна за другой гаснут. В конце концов остаётся единственное — «Амнистия!», — незыблемая надежда всех сидельцев. Приближаются Октябрьские праздники — арестанты полны надежд. Подует весенний ветерок, на носу Первомай и День Победы, угасшие осенью надежды разгораются с новой силой. Со временем арестант начинает от самого себя прятать чаяния и мечты, успокаивается, становится невозмутимым. Полгода пробарахтавшийся на грани утопления в Чёрном озере — доктор юридических наук, год похлебавшие тюремной баланды — профессора, а если встретишь того, кто три года продержался на глади озёрной бездны — знай, перед тобой академик! По уровню и по скорости приобретения знаний равных школе тюремной нет. Переходящий из одного «класса» в другой, отчётливо понимающий, куда ведут все «науки», заматеревший зек уже не верит ни в амнистию, ни в хорошие сны, смотрит свысока на набрасывающихся на любой мелкий корм сокамерников, замыкается в себе. Прислонившись задом к железной двери, он подолгу глядит на заколоченное крепкими досками слепое окно, прозрачное стекло которого со временем стало иссиня-чёрным. Силой воображения он размыкает все замки и сквозь двери и окна устремляется в одному ему известный, бережно хранимый, спрятанный от чужих глаз в глубинах сердца вольный край. На дверь он и не думает оборачиваться в минуты высокого полёта, потому что знает, она открывается лишь для того, чтобы впускать арестованных, и никогда — чтобы выпустить.

«Радости», я сказал. Есть они. Вы, наверное, скажете, что радостью было получить передачу с воли? Да, если принесут немного домашней еды — радуешься. Но как подумаешь, что в тяжёлые советские времена родным и знакомым приходилось обделять себя куском хлеба, чтобы убажить ненасытную тюремную глотку... то вся радость от передачи гаснет, как свеча на ветру. А времени-то для раздумий в тюрьме предостаточно!.. И всё же... Если никто к тебе не приходит, не скучает по тебе — пропадёшь. Ты даже не жучок, загнанный и застрявший в расщелине каменной стены, ты — нуль, нет тебя, ты — чека, выпавшая из колёсного крепления

заезженной, расхлябанной телеги, плетущейся на свалку, оставшийся лежать в непролазных зарослях полыни, мажущий всё и вся дѣттем, разлетевшийся на куски бесполезный клин.

Нигмат Халитов, среднего роста, коренастый татарин, — получает передачи регулярно. И дом его неподалѣку от тюрьмы, на улице Чернышевского, по соседству с химическим корпусом нашего университета. Это — первое. Во-вторых, самое главное — Нигмат-ага не политический преступник. Он главный бухгалтер фабрики «Динамо», что на улице Ташаяк. Фабричное начальство, их помощники, помощники помощников, занижая сорта выпускаемой спортивной одежды и сырья, наворовали огромные деньги, но в один из дней эта злокачественная опухоль прорвалась! И теперь и директор фабрики Бибишева, и главный инженер Клейнерман, и последнее звено преступной цепочки, реализовывавший через маленький киоск выведенную из учёта продукцию тихий, покорный, близорукий Исаак Горлицкий оказались здесь. (Чуть позже мы ещё встретимся с Горлицким!) Похоже, что миллионы, прошедшие через руки Халитова, повлияли и на уровень его благосостояния: жена всячески убажует, тюремная прислуга беспрестанно заботится о здоровье и настроении, из казѣнного фонда ему перепадает и белый калач, а гречневая каша, щедро сдобренная маслом, дымящиеся оладьи по несколько раз на дню доставляются в нашу камеру из его дома. Частенько в масляном озерце лежит, бесстыже дразня наши голодные глаза толстыми ляжками, курица! А чай бухгалтер пьѣт с шоколадными конфетами в золотистой обѣртке, мы такое счастье даже и во снах не надкусывали!

Мне тоже приходят гостинцы. Их мне приносит мой одноклассник и сосед по комнате в университетском общежитии Нил Юзеев. Расписываясь в графе «Передачу получил», я был изумлѣн его ответом на вопрос: «Кем вы приходите арестованному?» Нил написал: «Другом». Ах ты боже мой! Надо было ответить: «Знакомый». Не знает Нил тюремных тайн. Не ведомо ему, что тех, кто пишет «Другом», самих вскоре ждѣт тѣмная дорожка! Ответил так ответил Нил, святая простота, чистая душа, один из самых искренних парней! Приносимые им две-три буханки чѣрного хлеба о-очень кстати. В то время я пристрастился к курению. Достану, бывало, папиросу «Норд», от одной затяжки дым из ушей валит, слѣзы полчаса текут. Но такая радость от этой отравы! Когда полковник Катерли, который 22 марта 1950 года, прихватив своих безмозглых пунятых, пришѣл меня арестовывать, он и Нила заставил поставить подпись в ордере на обыск: больше Нил никаким образом к моему делу не причастен. Спасибо ему, пока я в ясном уме и светлой памяти, поблагодарю его за всё добро, что он для меня сделал! Не верьте тому, кто вздумает из каких-либо соображений очернять Нила! В тяжѣлое, полное противоречий и непонимания время, когда вершились наши неокрепшие судьбы, когда мы ещё не понимали всей глубины и всех причин возникающих противостояний, Нил сумел сохранить достоинство, прямоту и искренность суждений. А ведь это очень и очень непросто — говорить, а тем более написать правду, когда две трети населения в той или иной степени связаны с Чѣрным озером. Хотел бы я посмотреть на тех задири и забияк, которые пытаются сегодня бить себя в тщедушную грудь: «Мы такие!.. Мы смогли это!», как бы они повели себя в ту смутную шаткую пору. Не дай бог, конечно!

Кабир Мухаметшин — широкоплечий, несмотря на высокий рост и сухощавость, деревенский парень, с руками, достигающими до колен, и лопатообразными ладонями. Бог, обделив его мозгами, наградил плотно сжатым ртом. Я не помню, чтобы он улыбнулся или рассмеялся. Легионер. Судьбы татарских легионеров складывались одинаково: их за шкуру оттащивали от межи и, вручив на троих одну винтовку и десять патронов, отправляли на войну, выдав коммунистическое напутствие: «Винтов-

ку возьмёте у убитого товарища». Никто не знает, сколько сгублено татарских душ, сколько солдат-татар, втоптаных в глину, омытых кровью, похоронено от Белого до Чёрного моря. Белы косточки татарские разбросаны по глухим березнякам, по пересыхающим болотам-трясинам. А драгоценные души до сих пор витают где-то между небом и землёй, измождённые и неприкаянные, они так и не услышали заупокойной дуа и слов прощания. «А те из вас, кто останется в живых, позавидуют мёртвым», — сказано в одной книге... О жестокой судьбе выживших военнопленных мы долго хранили полное молчание, боялись. Сейчас многое открылось, стало известно о примерном количестве заключённых, об их судьбах. С российской стороны пять миллионов семьсот тысяч человек оказались в германском плену. Это больше, чем численность Советской армии в июне 1941 года, на момент начала войны! Три миллиона триста тысяч умерли или казнены в плену (*«Известия», 4 апреля 1991 года*). Эти ужасающие цифры по крупицам вывели немецкие военные историки. Мы в этом направлении пока ничего не исследовали, вся информация — под замком. Всё ждём чего-то, кого-то боимся. Каждый пленный — живая душа. У каждого узника есть начало и конец неповторимой судьбы.

Кабир — один из этой многомиллионной армии. Выживший. И вся его вина лишь в том, что он выжил. Деревенский паренёк, татарин, до войны не выходивший дальше околицы родной деревни, в промежутках между работой окончивший с грехом пополам четыре класса, попадает в плен. Голодный и изнурённый, избитый и подавленный, он лежал и ждал смерти, но кто-то пришёл в их концлагерь, в этот ад на земле и, собрав военнопленных татар, смог на родном языке поговорить с ними. Подберёзьевский паренёк с такими же сломленными тяжёлой лагерной жизнью солдатами записывается в легион, попадает в Берлин, где присматривает за лошадьми. Кроме этого он ничего, можно сказать, и не знает. Погоняют — идёт, приказывают — останавливается. «Бывало, тяпну немного шнапса, заткну немецкую пилотку за ремень и иду по Берлину, горланя на всю улицу «Галиябану», — рассказывает Кабир, то ли грустя по тем временам, то ли горько сожалея. А сейчас следователь впился ему в глотку, шнапсом попрекает. Всё, что ему нужно узнать: как и почему Кабир выжил в плену, шпионом какого государства является, с каким заданием послан в Татарстан?

Пузатый, через слово вспоминающий свою язву желудка, Нигмат-ага тюремную баланду почти не ест, иногда только, преодолевая брезгливость и отвращение, проглотит пару ложек. Выскрести дно кастрюли, когда каши вдоволь, а курица жирная, достается Кабиру, богатырского телосложения парню с завидным аппетитом. Мне казалось, что после немецких концлагерей и долгого сидения в камере Чёрного озера Кабир превратился в какого-то полудурка, с которым и поговорить-то не о чем. Но однажды он меня удивил... В деревне у него остались родители и жена. Были ли дети, не помню. И деревня-то совсем недалеко, поезда до Казани ходят непрерывно. Но, к сожалению, никто к Кабиру Мухаметшину не приезжает. Меню Чёрного озера простое и скудное: с утра на кончике чайной ложки сахарный песок, кипяток с брошенными для отвода глаз считанными чайнками и пятьсот граммов хлеба. В обед баланда, отвратительно пахнущая свиной лоханкой, на ужин кусочек рыбы размером с детский мизинец. Чего больше в этой рыбе — мяса или соли, сразу и не определишь. В один из дней наш Кабир приоткрыл свою душу, долго плачет, утирая тыльной стороной ладони безудержные слёзы. И плач-то у него своеобразный: не то проклинает кого Кабир, не то воет, от этого рёва всем становится не по себе! Это испытал на себе и надзиратель, ходивший туда-сюда по коридору, заподозрив неладное, он повернул «волчок», окинул пристальным взглядом камеру и долго ещё стоял перед дверью

нашей камеры. И когда растаяла последняя надежда что-либо узнать о причине такого поведения, выясняется, что Кабир затосковал по первой жене. Оттого и плакал. В лютый мороз она пошла за водой к колодцу, подходы к которому превратились в ледяную горку. Наполнив ведра, зашагала, поскользнулась, упала и сильно ударилась об лёд затылком. Даже до утра не дожила, бедняжка. Теперь у Кабира самое последнее желание, самое заветное: «Все меня забыли, бросили, никому я не нужен... Если Всевышний позволит, если когда-нибудь я выйду отсюда, вернусь домой, прибегу к могиле жены, рухну рядом и умру!»

Признаюсь, тяжело было наблюдать, как страдает и убивается этот угрюмый, недалёкий, в общем-то, человек — легионер Кабир Мухаметшин, как рушатся его надежды, как им овладевает безнадёга. Кабир распрощался с Чёрным озером и бесследно исчез, получив двадцать пять лет лагерей и клеймо шпиона неизвестно какой страны...

Простите меня за многословность, многовато, конечно, я рассказал о двадцать четвёртой камере, где просидел март-апрель. Ведь Нигмат-ага и Кабир — два разных мира, два разных опыта, первыми встретили меня в тюрьме, постарались преподать мне первые уроки на новом месте. От Кабира я получил первую информацию о татарском легионе.

Заключённому не дают застаиваться на одном месте, он постоянно переселяется из одной камеры в другую. Кабира отселили, остались мы вдвоём с Нигмат-ага. Оказывается, он отец двух взрослых дочерей. Одна из них учится в химико-технологическом институте. Теперь, когда мы остались вдвоём, мне хочется ещё сильнее сблизиться с Нигмат-ага, я жду, что этот человек, всю жизнь проработавший в системе МВД, вселит в меня толику надежды, не даст впасть в уныние. Но что может сказать этот несчастный зек? Все его слова крутятся вокруг одного: «Вот выйдешь ты на свободу, сразу же отдам за тебя свою старшую дочь, самую красивую девушку в мире!» Он рассказывает, а я, наивный дурачок, душа нараспашку, не способный даже на два шага предвидеть ситуацию, развесив уши, верю каждому его слову!.. Нигмат-ага ведёт себя по-свойски, при каждом удобном случае расспрашивает меня о причине моего здесь пребывания, о моих друзьях-приятелях, о наших с ними разговорах и суждениях. После сытного обеда, с масляной кашей и куриным бёдрышком, его каждый день уводят на допрос к следователям.

Однажды возвращаюсь я на рассвете с трудного, муторного допроса, длившегося всю ночь. Пока меня не было, между накрепко приделанных к стене кровати поставили два табурета и настелили топчан. На голых досках съёжилось неприглядное тело в латаном-перелатаном бешмете. Двери камеры с жутким скрипом открываются, с грохотом закрываются, но тот мужик не шелохнётся, даже головы не поднимает. Этого старого бешмета вселили к нам спешно, даже место не успели приготовить. Но он тоже хорош — как можно дрыхнуть в первую же ночь в тюрьме?! Рассвело. Промучившись всю ночь без сна, мы встречаем новый день, начавшийся с крика «Подъём!» и лязга дверного волчка. Молча пьём утренний чай. Нигмата Халитова сразу же уводят вверх. Как специалиста, держащего в кулаке экономику объединения, его часто вызывают на допросы, устраивают очные ставки с главным инженером Клейнерманом и другими причастными к делу. Допросы эти проходят вроде бы безо всяких неприятностей и подвохов, во всяком случае, я не помню, чтобы Халитов, попадая «из огня в полымя», кому-то на что-то жаловался. Молчание — золото, это не про нас! Покайся, расскажи обо всём, что знаешь, облегчи душу! — такими словами частенько подзуживает меня, простофилю, Нигмат-ага...

Сразу после того, как Халитова уводят из камеры, ко мне приближается тот обрванец-татарин и полусёпотом говорит: «Ты, малай, остерегайся этого сытого индюка! Его специально к тебе подсадили, чтобы всю подноготную выведать. О-очень подозрительный тип!» «Откуда знаешь?» — спрашиваю я, растяпа, заикаясь от неожиданности. «Я политический. А он человек ЧК... За моей спиной десять лет тюрем. Оставшихся в живых из тех, кого арестовывали в тридцатых, в сорок восьмом снова начали собирать. Эх, сбежать мне надо было, затеряться среди киргизов да казахов, ни одна собака не нашла бы... да здоровье подорвано. В Магадане да Колыме осталось. Душу всю вынули из меня, под рёбра залезли и сердце в клочья истерзали». Не успел я разузнать, кто, откуда родом этот татарин, заработавший чахотку за десять лет каторжных работ на лесоповале и в сырых шахтах, сосланный туда по обвинению в подстрекательстве населения против коллективизации. Рассказывая о себе, он зашёлся долгим сильным кашлем, а затем, когда приступ унялся, он сидел, крепко стиснув грудь руками. Потом он долго умолял охранника дать ему ковшик кипятка — не дали.

2

Память моя, что ты делаешь со мной?!

Виктор АСТАФЬЕВ

Я не внял советам татарина в потрёпанном бешмете, хотя он, добрая душа, набравшийся жизненной мудрости в перипетиях нелёгкой судьбы, пытался уберечь меня, упрямого барана, от ошибок. Только сегодня, с высоты прожитых лет, понимаю, что он хотел своей мудростью помочь моим бестолковым мозгам. Я уже тогда догадался, что Нигмат-ага неспроста сватает свою красавицу-дочь за пропащего студента, однако мой язык был неумён, вместо того чтобы не болтать лишнего, я резал Халитову правду-матку о несправедливости советской власти, порой преувеличивая антипатию свою к Сталину, мне так хотелось поделиться пережитым в юности, мыслями, накопившимися в душе. Эх, молодо-зелено, никуда не денешься, были просчёты, совершал я и ошибки. Я этого никогда и не скрывал. Однако у меня хватает сил и мужества, чтобы найти оправдания своей молодости: хоть я порой и неоправданно близко доверялся окружающим людям, но к оценке глубинных процессов, происходящих в обществе, подходил взвешенно, понимал их правильно, трезвый разум предпочитал эмоциям!

Итак, снова начали сажать заключённых, получивших первые сроки в тридцатые-сороковые годы. Мужик в потрёпанном бешмете знал об этом, ещё живя на воле. Значит, они — бывшие политзеки, не прятались всё время по норам, делились друг с другом новостями, обсуждали очередную несправедливую инициативу властей. Путешествуя из камеры в камеру, я начал понимать тюремную жизнь, научился распознавать людей и распределять по группам. Самая многочисленная группа зеков Чёрного озера — legionеры. Аха, — ворохнулась мысль в начинавшем проясняться сознании, — legionеры сидят за совершённые в годы войны преступления. Но почему-то их не сразу после окончания войны начали сажать, а в конце сороковых, начале пятидесятих годов. Даже вернувшихся в сорок третьем году привлекли только в пятидесятом! Почему так произошло? Почему legionеров начали сажать только в сорок восьмом? Что изменилось в политике государства в сорок восьмом году?

Из заключённых, взятых под стражу вторично, наиболее сильное влияние оказал на меня инженер Кулешов. За давностью лет его имя-отчество позабылось. Чему

здесь удивляться, ведь прошло более сорока лет! Кулешов вошёл к нам в камеру с невозмутимым видом, с маленьким мешочком в руках, словно отпускник, отправившийся к бабушке в гости. Терпеливо дождался, пока за ним не громыхнёт дверь, и только после этого, отвесив поклон, поздоровался. Я принял его за человека, давно мотающего срок, пережившего первую волну арестов, однако его, как оказалось, арестовали совсем недавно. Хотя он действительно имел срок за плечами! В этом человеке, уже пережившем один раз тюремный ад, меня восхитили спокойствие, достоинство, раскованность, зрелость и самоуважение. Заключённого под стражу Кулешова в годы войны вернули работать на какой-то военный завод, чтобы использовать его по специальности. «На заводе у меня был персональный конвой, вооружённый солдат». У русских, бывает, встречается благородный тип мужчин богатырской внешности, принадлежащих к древнему роду! У них величественная стать, горделивая осанка, высокий учёный лоб, тонкий прямой нос, чуть выступающий, словно отлитый из металла, крепкий подбородок, ровные, твёрдые, как камень зубы. Движения их неторопливы, полны внутреннего достоинства. А Кулешов вдобавок к профессии инженера-химика ещё и большой знаток и любитель литературы и искусства, деликатный, образованный и воспитанный человек! «На Колыме и в Магадане очень много заключённых погибло от непосильных условий. Я с первого дня ареста боролся за выживание. Если попадёшь к ворам и бандитам, не имей с ними ничего общего... Говоришь, ничего не умеешь делать? И профессии у тебя нет. Это плохо, конечно. Но отчаиваться не следует! Гордо объяви всем, что у тебя есть профессия — каменщик! Ты же студент! Подключи свою смекалку». Когда я спросил: «Какой способ вы нашли, чтобы выжить?» — Кулешов рассмеялся. «Гюго с Бальзаком спасли меня, — ответил он. — Я смолоду занимался в самодеятельном театре. Сначала работал суфлёром. Сорок три пьесы наизусть знаю! У воров есть странная особенность, они любят, когда им книги вслух читают или пересказывают по памяти. Вот я и взялся им каждый вечер романы «читать»! На самом интересном месте останавливаюсь, как Шахерезада, на следующий вечер опять продолжаю. Кого-то по этапу уводят, на их место других селят. А я знай себе мелю слова в ступе. Если истории кончаются, свои придумываю!» Кулешов, рассказав без утайки, с какими трудностями предстоит мне столкнуться впереди, стал обучать меня профессии каменщика с помощью хлебных остатков. Не спеша, с толком и расстановкой он показывал, как соединять кирпичи в кладке, как класть раствор, как поднимать углы.

Я спросил у этого мудрого и великодушного человека: «Почему опять начали арестовывать тех, кто прежде уже отбыл один срок?» Впервые на моих глазах инженер смешался, чему я был немало удивлён. Сегодняшним умом понимаю, нельзя было так в лоб спрашивать, но моё любопытство тогда было безграничным. «Почему за одно и то же преступление пытаются дважды наказать?» — несколько сгладил я, любопытный, но потихоньку начинающий усваивать тюремные уроки простофиля, прямой вопрос... Ничего не ответил мне инженер, но однажды, предчувствуя скорое расставание, крепко пожал мне руку и сказал: «Тут есть какая-то причина, студент! Должен быть во всём этом какой-то глубинный смысл!» При мне Кулешова ни разу не вызывали на верхний этаж. Хотя и он, и я надеялись, что там, наверху, для нас что-нибудь да прояснилось бы.

Ладно, отбросив эмоции, предположим: у советской власти был некий резон держать Кулешова в тюрьме... Он посвящён в военные тайны, здоров, относительно молод, короче говоря, ещё поживёт. Но зачем подвергать такой участи казанца Анатолия Рязанова — сморщенного, больного, жалкого заморыша, десять лет носом рывшего мёрзлый архангельский грунт?.. Один на тысячу зеков выживший на

жуткой каторге вдовец. Отец двух дочерей. Поставь его как взрослого мужчину на весы, замучаешься мелкие гири подбирать! Он весь в пригоршню поместится. Взгляд потухший. Разденется в бане — можно строение скелета изучать... Заикается, с жидкой козлиной бородкой, по возвращении из ссылки он долго обивал пороги родного комбината «Спартак», прежде чем его взяли на работу. Смиренного из смиренных, страдальца из страдальцев, саму святость!.. А теперь вот опять этого русского с размаху бросили в водоворот Чёрного озера! У него даже сил не осталось оплакивать безвременно ушедшую на тот свет жену, по которой сильно тоскует. Много не успел он сказать ей, когда жива была... Гляжу-смотрю я на него, а в голове сплошное недоумение, в то время я ещё очень многого не понимал!.. Рязанова тоже не таскают на допросы к следователям, значит, приговор ему был вынесен ещё до ареста... Что ещё хочу сказать, Анатолий и в этот раз сумел вернуться из ада. Упиваясь долгожданной свободой, бродил по улицам и переулкам Казани и несколько раз встречал Рязанова. Дважды побывавший в дьявольских силках старик ещё сильнее сдал, ходил, опираясь на палочку, а потом надолго исчез. Встретившись с ним снова, я не узнал Рязанова... Один глаз удалён, второй вперился в меня. Похоже, что узнал меня Анатолий. Дыхание хриплое, неровное. Сдерживая кашель, он спросил: «Как тебя зовут-то, подсажи, запомнятовал я?» Небритый, мотня штанов сползла чуть ли не до колен, шея болезненно искривлена... О Тенгри, — прошептал я про себя, — зачем же ты так жестоко наказываешь детей своих, зачем калечишь их в тюрьмах и на каторгах?.. Больше я Рязанова не встречал...

Хочу помянуть добрым словом ещё одного казанца, вернувшегося из «хаджа». Фамилия у него была Авдеев. Пятидесятилетний мужчина казался мне тогда очень старым. Может, Авдееву и пятидесяти не исполнилось, в тюремной камере очень трудно точно угадать возраст человека. Работавший вдали от бурных событий, в медицинской лаборатории в Харбине, Авдеев раздобыл, отрастил брюхо. Натерпевшийся в тюрьме немало издевательств из-за своей комплекции репатриант на момент нашего знакомства представлял жалкое зрелище. От его пуза не осталось и следа, брюки, с которых по тюремным порядкам были срезаны пуговицы, не держались на поясе, постоянно сползали. Левая рука Авдеева, словно приклеенная к поясу, поддерживала штаны. Меня этот человек поразил своей искренней верой и негибимой набожностью. Ничего не расстраивало Авдеева, ни тюрьма с её теснотой, ни скудное питание. Этот немало повидавший на своём веку человек переживал лишь из-за того, что не может как следует молиться! Вдобавок с него сорвали нательный серебряный крестик. Авдеев, выбрав участок тюремной стены почище, выцарапывает крест, незаметный взгляду иблиса-надзирателя. А его нагрудный крест всякому виден! Каждое утро он «обновляет» заточенной спичкой процарапанный на коже символ. «Чистое место в тюрьме искать, только в грех себя ввергать. По всем углам или кровь, или слёзы набрызганы!» — пытаются вразумлять Авдеева сокамерники, но их слова он оставляет без внимания. А те, сверху, тоже знают про выцарапанный на груди крест, время от времени вызывают его, чтобы поиздеваться. Соберутся с десяток жеребчиков и, тыча в «татуировку», наперебой ржут. Авдеев молча сносит хохот и насмешки, но его веру в милосердие и справедливость божьего сына никто и ничто не может сломить. Авдеев тоже благополучно вернулся в Казань, мы частенько встречались с ним во время прогулок, подолгу разговаривали. Со временем и он куда-то пропал. Как же он сумел выдержать все издевательства и посягательства на святое, бедняжка!

Среди заключённых Чёрного озера обнаружилась ещё одна группа. Счастливо избежавших кровавых когтей революции эмигрантов-россиян, осевших, пустивших

корни на чужой земле, обзаведшихся потомством — именно в сорок восьмом стали арестовывать и сажать в тюрьмы. Я продолжаю уже с высоты прожитых лет задаваться вопросом: что за злоеший год это был, сорок восьмой? Почему мы до сих пор не можем узнать и дать оценку кошмарным тайнам этого года?!

Легионеры, легионеры, татарские легионеры... Я поначалу думал, что в тюрьму попадают только те военнопленные, которые поддались на немецкие уговоры стали легионерами. Но позже, соседствуя со многими бывшими солдатами, слушая рассказы об их непростых судьбах, я начинаю понимать, что среди арестованных много обычных красноармейцев, волею судьбы оказавшихся в немецком плену. Сейчас таких «преступников» можно встретить во всех камерах. Они томятся в застенках Чёрного озера без суда и следствия по два года и более. Ну да, побывали в плену, но родину не предавали, это не раз доказано на различных фильтрационных пунктах, когда их личные дела многократно просеяли через грубое и тонкое сито проверки. Если хотя бы одна неделя из жизни в плену оказывалась «непрозрачной», то их тут же отделяли до окончания войны от остальных и передавали в комендатуру! Главная их вина — остались в живых! Сейчас, собрав вместе военнопленных и легионеров, маринуют их в надежде, что рано или поздно обнаружатся какие-нибудь подозрительные факты. Я встретил в камере одного татарина: седовласый, высоколобый, интеллигентного вида. Если не ошибаюсь, он был откуда-то из-под Мензелинска. Дважды неудачно бежал из фашистских лагерей. На третий раз смог уйти от погони и добраться до французских партизан! Сражался против фашистов. После открытия второго фронта англичане забрали его с собой. Имея тысячу возможностей остаться в Англии, преданный своей родине татарин, тоскующий по ней, возвращается в Татарстан... Героическая личность, но всё равно не избежал ареста! Никакой вины на нём нет, казалось бы, но на Чёрном озере считают иначе: «Среди пленных не может быть невиновных, нужно только найти эту вину!» Именно такая директива спущена им сверху... Год сидит человек, два, под конец третьего года он ломается: «Подпишу любую бумагу!» После этого на него вешают всех собак. Получив положенный совершённым преступлениям «четвертак», он покидает Чёрное озеро. Другого выхода у него нет!..

На Чёрном озере есть камеры и на шесть человек. На третьем этаже. Одновременно со мной там находилось трое легионеров. Один из них, худой, высокий крышен по фамилии Константинов, заставил меня заново погрузиться в раздумья...

Перевод Наиля Ишмухаметова

P.S. Роман-воспоминание Аяза Гилязова «Давайте помолимся!» В переводе на русский язык Наилем Ишмухаметовым запланирован к выпуску отдельной книгой в 2017 году Татарским книжным издательством.